

Елизавета Дворецкая

Древняя Русь, начало IX века. Безвестным воином покинул Смоленск Зимобор, старший сын умершего князя Велебора, чтобы в чужой земле искать себе доли. Дева Будущего, младшая из трех богинь судьбы, сделала его непобедимым... в обмен на его любовь и верность. Подаренный ему венок будет хранить его в глухих лесах в схватках с нечистью и на ратной службе в дружине полотеского князя. Но стоит Зимобору выбрать себе другую невесту, и милость отверженной богини сменится страшным гневом...

Лесная невеста

Елизавета Дворецкая

Лесная невеста

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5404-6

9 786171 254046

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

Лесная невеста

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

В оформлении обложки использовано фото
авторства *Ольги Моргун*

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5404-6

© Дворецкая Е., 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Пролог

Была глухая осенняя ночь, город спал, и только в новой бане в углу княжьего двора горели два небольших масляных светильника, поставленных на лавку. Повитуха задремала на овчине, устав после суточного бодрствования и нелегких трудов. Новорожденный, завернутый в старую отцовскую рубаху и крест-накрест перевязанный поясом, лежал рядом с матерью. Впервые за сутки здесь стихли шаги и голоса, прекратились скрип дверей и плеск воды.

Пламя двух фитильков почти не разгоняло мрак, только на бревенчатых стенах шевелились тени. Женщина засыпала, и сквозь дрему ей мерещились звездные бездны небес, распахнутые над низкой крышей, близко-близко. Из открытых Врат к ее сыну спускались три вещие гости, и звездная пыль искрилась на их белых покрывалах. Первая, согнутая старуха с доброжелательным морщинистым лицом, улыбалась младенцу, приветствуя его появление на свет. В натруженных руках она держала кудель и готовилась тянуть из нее нитку. Вторая, средних лет, принесла веретено, чтобы мотать на него старухину нить, и с добрым сочувствием глядела на молодую мать. А третья, совсем юная девушка с беспечным, дерзким, лукавым лицом, смотрела вызывающе, насмешливо и повелительно. В ее власти — будущее, а в руках поблескивали железные ножницы, которые она пустит в ход прямо сейчас или через семьдесят лет, — как пожелает...

Глава первая

Смолянск, 830 год

С самого утра никто не ожидал важных новостей, тем более таких печальных. Накануне старейшина Русак праздновал рождение долгожданного сына: у него было уже шесть дочерей, и вот наконец-то вещие вилы, достающие младенческие души из облачного колодца Макоши, извлекли для него мальчика! Незадолго до рассвета Русакова мать, исполнявшая обязанности повитухи, вышла из бани, поклонилась на восток и протяжно закричала, чтобы слышали небо и земля:

— Вот родился у волчицы волчонок, людям на радость, себе на здоровье!

И старейшина, услышав ее голос, тут же высунулся из двери, восклицая:

— Ну, что там, что?

Его пояс и рубаху — чтобы завернуть новорожденного — приготовили заранее, но Русак, услышав долгожданное «сын!», то и другое стянул прямо с себя и поскорее сунул в руки прибежавшей женщине, словно боялся, как бы Макошь в последний миг не передумала и не подсунула ему седьмую дочь!¹

В первые три дня никому, кроме повитухи, не полагалось видеть роженицу и новорожденного. Даже близко подходить к бане, где они оставались втроем, не следовало, и Русак изнывал от нетерпения, не в силах дожидаться мгновения, когда наконец сам сможет убедиться в своем счастье.

¹ Что любопытно, в древности обычай требовал сразу после рождения завернуть ребенка в рубашку родителя соответствующего пола, а иначе пол ребенка может измениться уже после рождения, если его не «привязать».

На радостях он тут же закатил пир, тем более что в гостях у него в эти дни были все трое детей смолянского князя Велебора. Пива пока еще варить было не из чего — ячменная оставалась едва на посев, — но браги, приготовленной на березовом соке, хватало: белых древесных «коров» с черными отметинами на шкурах в окрестных лесах имелось бесчисленно.

В Днепре наловили рыбы, а старший княжич Зимобор подарил хозяину одну из добытых лосиных туш. Пир удался на славу — смолянские кмети, родичи и домочадцы Русака, соседи весь вечер и полночи пили, пели, даже плясали, оглашая свежую весеннюю ночь радостными хмельными голосами.

— Ты его как назовешь? — приставал к счастливому отцу младший Велеборов сын, Буяр. — Назови его Смог!

— Лучше — Наконец! — предлагал один из кметей, Прибыток, поддерживая княжича, который от пьяного хохота почти валился на стол.

Но Русак не обижался, а только, найдя пьяным взглядом какую-либо из сновавших вокруг женщин, размякшим от радости голосом допрашивал:

— Сын? Нет, ты мне скажи, верно — сын?

Княжна Избрана во всем этом буйстве участия не принимала, но оба ее брата с дружиной гуляли почти до утра. В Дивий бор, где располагалось гнездо весей, возглавляемых Русаком, они приехали поохотиться. После долгой голодной зимы вся дичь в ближних лесах вокруг Смоленска, столицы днепровских кривичей-смолян¹, была повыбита, а здесь паслось немало лосей. Уже вчера охотники

¹ В памятниках раннего Средневековья упоминаются три племенные группы с похожими названиями, одна из которых, по мнению исследователей, поселилась в верховьях Днепра в районе будущего Смоленска. Современный Смоленск возник позже, и здесь под этим названием выступает так называемое Гнездовское городище.

привезли в Русакову весь шесть убитых быков, и весь вечер челядь возилась, разделявая туши.

Погуляли хорошо — давно так не случилось. Даже сам Секач, воевода и кормилец младшего княжича Буяра, упившись Русаковой брагой, плясал посреди избы и диким голосом пел «Купался Полель, да в воду упал», топча осколки глиняной миски. Стоянка, девушка из местных, пробежала мимо с кувшином, стараясь обойти пляшущего воеводу, споткнулась и упала прямо на Зимобора. Он поймал ее и посадил себе на колени, и она не стала возражать — красивый старший княжич ей нравился, и она уже второй день поглядывала на него, улыбаясь глазами и будто бы чего-то ожидая. Буяр, красный и взмокший, все норовил схватить Стоянку за плечо и пьяно орал:

— Брось его, иди лучше ко мне! Он порченый! У него невеста-покойница, ко всем его девкам по ночам приходит и душит!

— Сам ты порченый, вяз червленький тебе в ухо! — кричал в ответ Зимобор, отталкивая от девушки загребущие руки младшего брата. — Отвяжись! А то я тебя так испорчу, что вообще девки больше не понадобятся! Ты не бойся! — утешал он Стоянку, обнимая и не давая соскользнуть со своих колен. — Она давным-давно умерла, этой весной как раз семь лет, срок вышел, теперь уймется, больше не будет ходить!

Буяр, обидевшись, полез было разбираться, но толкнул кого-то из гостей, залил кому-то праздничную рубаху брагой, и двое молодых и гордых полохских мужиков посчитали, что это непорядок. Крепко взяв Буяра за белые руки, они подтащили его к бочонку и хотели макнуть, но оказалось, что браги осталось всего на донышке, и Буяру только замочили русый чуб. Тогда Дедилей остался держать жертву, а Оленец собрал со всех кубков и кувшинов остатки браги, вылил опять в бочонок, и тогда уж они макнули

Буяра от души. Неудивительно, что уйти спать своими ногами ему потом было не под силу, и Секач на себе уволок его в овин, где гостям приготовили лежанки на старой соломе.

Стоянка все порывалась убежать, но больше для порядка, так что Зимобор легко догнал ее в сенях, где валялась куча мешков, пахнувших старой-престарой мучнистой пылью. Бровка и Чудила за каким-то лешим его искали, подкрадывались, как им казалось, неслышно, но очень громко стукаясь пьяными головами о косяки, истошным шепотом советовались, здесь ли он, не позвать ли его или принести факел и посмотреть, а Зимобор кричал им, чтобы шли к лешему, он занят... Куда и когда девушка исчезла, уже не заметил, а сам так и заснул на куче пахучих мешков.

Во двор старший княжич выбрался ближе к полудню. И то не сам проснулся, а Избрана прислала разбудить. Дескать, княжна спрашивает, приехали они охотиться на дичь или на девок, а за девками так далеко было ездить незачем, этого добра и в Смоленске хватает, только там уже все ученые... Что-то такое над ним бормотала сестрина прислужница, но Зимобор поначалу мало что слышал из-за гула в голове. Однако вставать и правда было надо.

Во дворе помятые гуляки, здешние и смолянские, умывались у колоды, обмениваясь обрывочными воспоминаниями о вчерашнем буйстве, как вспоминают битву. Глухарь пытался прямо на себе отстирать с подола рубахи пятна непонятного, но подозрительного происхождения, Жилията осторожно ощупывал подбитый глаз, явно не зная, кому обязан этой красотой.

— Я просыпаюсь, смотрю: девка! — делился Шумила, пытаюсь размять ладонями лицо, похожее на давно не стиранный мешок. — И знаешь, ничего не помню. Думаю, первое: где я? Потом: кто я? У нее спрашиваю: ты кто? А она: ах ты, сволочь, не помнишь, кто я, после всего, что вчера было! Ну, думаю, слава Яриле: значит, что-то все-таки было!

Зимобор умылся, глотнул воды, даже велел облить голову, пытаясь прийти в себя. Хорошо погулять даже княжеской дружине удавалось очень редко, поскольку последние два года выдались неурожайными. Утираясь рукавами рубахи, Зимобор вдруг увидел перед собой Годилу — кметя из отцовских.

— Княжич! — Вид у Годилы был какой-то серый и сумрачный, совсем не подходящий этому солнечному, теплому, голубому и зеленому утру месяца ладича¹. — Я к вам...

— Ты откуда? — Зимобор удивленно нахмурился, только сейчас сообразив, что Годиле тут быть вовсе не полагается.

— Так из Смоленска! День и ночь плыли без оглядки. Ветра не было — гребли, только сменялись, так на дне в ладье и прикорнули чуть-чуть, и то сон не идет. Князь Велебор-то... вчера в ночь...

— Что?

— Так... помер.

— Как?

Зимобор хмурился и безотчетно расчесывал пятерней густые растрепанные кудри, пытаясь отодвинуть их со лба, но они опять падали на глаза. То, что он услышал, не укладывалось в голове, было слишком неожиданно, слишком страшно и потому недостоверно.

— С вечера вроде ничего был... как всегда, — докладывал Годила, сам смущенный вестью, которую принес, и отводил глаза. — А утром пришли будить — не просыпается. Волхвы говорят, хорошая смерть, легкая. И княгиня тоже...

— Что — княгиня тоже? — У Зимобора мелькнула дикая мысль, что княгиня Дубравка умерла заодно с мужем.

— Тоже так говорит. Добрая смерть.

¹ Здесь и далее название любого месяца является одним из множества вариантов его народного названия.

Князю давно нездоровилось: уже несколько лет у него болело в груди, было трудно дышать, из-за чего он почти не покидал Смоленска, и за две последние зимы заметно ослабел. Но весной, когда самое тяжелое время наконец осталось позади, все воспрянули духом, и сам князь надеялся, что теперь снова окрепнет. Он ведь еще не стар — ему было едва за пятьдесят. И вдруг...

Вокруг уже собрался народ: кмети и местные переглядывались, шепотом передавали друг другу новость, слышались недоверчивые и горестные восклицания. Князь Велебор был справедлив и дружелюбен, в неурожайные годы никогда не отнимал последнее, давая возможность небогатым родам перебиться. Но вот его не стало, и люди как-то по-новому взглянули в побледневшее лицо старшего княжича. Вся тяжесть ответственности за племя смолянских кривичей невидимо переползала на него, а он был еще совсем не готов ее принять.

— Иди... Избране скажи. — Зимобор посмотрел на дверь избы, за которой была сестра. — И Буяр где-то там. А мы... — Он окинул взглядом лица вокруг. — Собирайтесь, что ли. Поедем.

Кмети закивали, стали расходиться. Негромко загудели голоса. Зимобор тоже хотел идти, но вдруг увидел возле себя Стоянку. Бледная, со спутанными и кое-как заплетенными волосами, с запавшими глазами, девушка была похожа на тяжелобольную.

— А меня... ночью... мара душила, — прохрипела она. — Мать говорит, следы остались, вот, посмотри!

Она чуть повернула голову, показывая горло, и Зимобор увидел на белой коже несколько синеватых пятен, похожих на следы пальцев. Увы, это зрелище было ему знакомо.

— Выходит, правда! — Стоянка, одной рукой держась за горло, второй обхватила себя за плечо, словно ей было

холодно. — Про твою невесту. А я думала, так болтают... Значит, правда... Она приходит и душит...

— Возьми ее нелегкая! — Зимобор с досадой вздохнул. Только этого ему сейчас не хватало. — Да там одно название, что невеста! Ей десяти лет от роду не было, когда нас обручили, я ее видел-то один раз. Уж семь лет прошло, как она умерла, свободен я от нее. На, возьми. — Он вынул из левого уха серебряную греческую серьгу с мелким красным камешком и вложил в руку Стоянке. — Прости, что так вышло. Я думал, этой весной она не тронет.

Знал бы кто десять лет назад, когда старшего смолянского княжича обручили с дочерью Столпомера, князя полотеского, что все так выйдет! Тогда все радовались, что стародавнюю вражду наконец удалось успокоить и примирение двух могучих кривичских князей скрепляется родством. Княжне исполнилось всего девять лет, и до свадьбы предстояло ждать еще долго: около трех лет, пока девочка созреет и станет девушкой, еще три года, пока заслужит право называться невестой и получит благословение на замужество. Зимобор, которому сравнялось четырнадцать, уже считался взрослым мужчиной, а его невеста была просто девчонкой в одной рубашонке, на нее и смотреть-то не стоило. Не хромая, не горбатая, на вид не хуже других. Прочее оставалось делом туманного будущего. В юности, когда время идет медленно, «через шесть лет» кажется таким далеким, словно в другой жизни. И, по сути, так оно и есть.

Уехав из Полотеска с перстеньком на пальце, Зимобор сразу забыл и о перстеньке, и о невесте, и через три года, когда в Смоленск пришла весть о ее смерти, не слишком огорчился. Вокруг него были живые девушки, а маленькая полотеская княжна давно стала расплывчатым воспоминанием. Он и не узнал бы ее, если бы встретил. Умерла — значит, судьба ее такая, а невест на свете много.

Только его мать встревожилась. Ушедшая на Тот Свет обрученной будет страдать в разлуке с суженым и попытается его заполучить. Забрав у сына невестино кольцо, княгиня топором разрубила его пополам, положив на порог дома. Половинку, упавшую внутрь, она отдала Зимобору, а упавшую наружу бросила в Днепр, сказав при этом: «Иди к той, что подарила тебя. И как половинкам разрубленным не сойтись, так и тебе моего сына больше не видать». Теперь обручение было расторгнуто и умершей невесте не полагалось тревожить живого жениха.

Но вышло иначе. Каждая девушка, которую Зимобору случалось обнять, потом страдала от невидимой и жестокой ночной гостьи. Громница, с которой он водился три года назад, тоже все жаловалась на душаскую мару, показывала синяки на шее и спасалась только полынью; и та девчонка с косяными уточками в ожерелье, с которой он гулял на Ярилин день, ну, там, в Ясенце, что ли, позапрошлой весной...

Теперь Зимобору исполнилось двадцать четыре года, все его ровесники давно были женаты и имели по несколько детей, он один так и не повзрослел по-настоящему!¹ Он давно уже стыдился ходить в отроках — а еще старший княжий сын! — и надеялся, что по прошествии семилетнего срока, который даже молодую бездетную вдову возвращает обратно в девушки², освободит его.

Выходит, зря надеялся.

А слухи о ревнивой покойнице, преследующей старшего княжича, разошлись за несколько лет довольно широко. В Смоленске об этом знали все, и на веселых весенних игрищах и на зимних посиделках Зимобор часто оставался

¹ Вступление в брак было окончательным переходом к статусу взрослого и полноправного члена общины.

² У славян существовал обычай, согласно которому молодая бездетная вдова через семь лет снова получала статус девушки и могла выходить замуж «с чистого листа».

один, хотя многие девушки поглядывали на него с сожалением. Высокий, широкоплечий, Зимобор уже в семнадцать стал одним из лучших в дружине. Весь его вид излучал здоровье и удачу: круглолицый, румяный, с буйными чуть рыжеватыми кудрями, Зимобор слыл красавцем, и не портила его даже горбинка на носу, оставшаяся от давнего перелома. Он всегда был весел, оживлен, дружелюбен и приветлив, за что его любили и ближние, и дальние. Да и чужие быстро начинали считать его за своего: с каждым он держался так, будто знал его весь век. Ко всем кметям в дружине Зимобор относился как к братьям, жил среди них, ночевал в дружинной избе, делил все тяготы походов и охотно прислушивался к советам более опытных и бывалых, и за это каждый из них отказался бы даже от законной доли в добыче ради одного удовольствия служить ему.

У старшего княжича был только один недостаток — не как у человека, но как у наследника смолянского князя: его мать происходила из простого лесного рода, князь Велебор привез ее из далекой веси, куда попал однажды во время полюдья. Достойной родни со стороны матери у Зимобора не имелось, но он остался старшим из выживших сыновей Велебора, а тот не просто любил своего сына младшей жены, но с самого начала готовил его себе в преемники.

Неудивительно, что девушки не сводили с Зимобора глаз, но слухи о ревнивой мертвой невесте отпугивали. Некоторые не верили, но, один раз ощутив в ночной темноте сомкнувшиеся на горле пальцы, тут же умнели и давали себе слово впредь водиться с кем-нибудь другим. Ночная гостья еще никого не удушила насмерть, но с каждым разом давила и мучила сильнее, вынуждая даже самых упрямых отказаться от встреч с Зимобором. Только Щедравка продержалась возле него почти год, с зимы до следующей осени. Но, во-первых, Щедравка была самой смелой и бойкой девкой в Смоленске, во-вторых, она была влюблена

в Зимобора до беспамятства, а в-третьих, ее бабка на весь Смолянск славилась мудростью и знала охранительные чары. Но и Щедравка по утрам, бывало, долго разбирала косу, беспощадно запутанную злобной ночной гостьей, вычесывала вырванные волосы и тихо бранилась. А осенью родичи поспешно выдали ее замуж за проезжего варяжского гостя из Ладоги, который был так сражен ее красотой, статью и огнем глаз, что потребовал играть свадьбу тотчас же! Свадьбу сыграли, а под разноцветными бусами невесты, подаренными счастливым женихом, скрывались синие следы пальцев ночной мучительницы...

Из-за болезни князь Велебор почти все время сидел дома, его сыновьям приходилось много ездить, но везде ревнивый и завистливый Буяр старался побыстрее раскрыть тайну своего слишком привлекательного старшего брата. Младший и сам уродился хорош и удал, ничто не мешало ему не меньше радоваться жизни, своей силе и молодости, но не давала покоя мысль, что Зимобору достались все права старшинства. К тому же матерью Буяра была старшая Велеборова жена, княгиня Дубравка, дочь радимичского князя, поэтому меньшей княжич с детства задирает старшего брата, за что бывал постоянно им бит, но не унимался.

Позапрошлой зимой они чуть не передрались из-за подросшей дочери одного из касплянских старейшин, Недельки. Невысокая, но стройная, с густыми, пушистыми волосами и тонким белым лицом, Неделька очень нравилась Зимобору, и он ей тоже нравился, это было видно. Когда он целовал ее в темных сенях, она отбивалась только для порядка, но, поняв, что сейчас все случится, не шутя пригрозила закричать.

— За тобой твоя мертвая невеста ходит. Я знаю, люди говорили, — отрывисто шептала она, решительно отдирая от себя жадные руки. — Не хочу, чтобы она меня

иссушила! У нас к одной девке навка привязалась — Малятка у нее жениха отбила, а она утопилась, и теперь к ней ходит. Малятка уж не рада, сама скоро от тоски утопится, высохла вся, смотреть страшно! Я не хочу так! Избавишься от своей — тогда приходи.

Если не в княгини, то в младшие жены для князя Неделька, дочь старинного уважаемого рода, вполне годилась, но слишком боялась ревности мертвой. Сам Велебор был очень удручен тем, что его старший наследник так долго вынужден оставаться неженатым, а в последнее время нередко заговаривал о поисках новой невесты.

— Вот семь лет пройдет, тогда уж отвяжется. Жаль, мать не дождалась! — вздыхал он, нежно любивший младшую жену, несмотря на ее низкое происхождение и упорную ревность княгини. — С первой невестой вон что вышло, вторую уж ей увидеть не придется! Не придется внуков принимать... Ну, ничего, на будущий год в Дедовы дни приведешь молодую жену на зеленую могилку, покажешь матери, расскажешь ей, что у вас и как... Она услышит, и сердце ее возрадуется...

Зеленая могилка... мать... А теперь отец тоже... Мысли о девушках бледнели и таяли перед страшной новостью, которая утверждалась в сознании и давила все сильнее, заслоняя весь белый свет. Отец умер! Вот они вернутся домой, а его там нет... и никогда уже не будет... Надо возвращаться в Смоленск, и как можно быстрее.

— Прости, — еще раз сказал Зимобор огорченной Стоянке, приобнял ее за плечи и погладил светло-русую голову. — Не бойся, я уеду, она больше тебя не тронет, верно говорю. Прости уж меня, я не хотел, чтобы так вышло. Лучше бы меня самого душила, мара проклятая, вяз червленький ей в ухо! Уж я бы ей руки-то пообломал! А то лезет вечно к девушкам, да самых красивых выбирает! Ревнует, видно, красоте завидует!

Он улыбнулся, но улыбка вышла неживая — все его мысли были об отце. Махнув рукой на прощание, Зимобор пошел к избе. Стоянка провожала его глазами.

— Ужас какой! — выдохнула она и сглотнула, вспомнив холодные твердые пальцы, с нечеловеческой силой сомкнувшиеся на горле.

— Ну и дура! — наставительно сказала ей баба, которая шла мимо с кринкой, но остановилась послушать. — Да ведь он теперь — наш князь! Он же — старший! А мать его знаешь, кто была? Такая же девка, как ты, из веси какой-то. Мне старый воевода Сваровит рассказывал, он туда с полюдьем заворачивал, там еще и теперь, поди, родичи ее живут. Так что смотри, еще князевой женой станешь! Подумаешь, придушили немного! Не насмерть же!

— Не хватало еще, чтобы насмерть...

Проходя через сени, Зимобор прислушивался, ожидая крика и вопля. Но Избрана, когда он вошел, молчала, только смотрела перед собой расширенными глазами и ломала пальцы крепко стиснутых рук. Ей полагалось бы причитать, но напряженная работа мысли заглушила скорбь. Тут же сидел, недоуменно моргая, растрепанный похмельный Буйар, кое-кто из челяди и кметей топтались по углам, ожидая, когда им хоть кто-нибудь скажет, что теперь делать. И даже у старших был растерянный и нерешительный вид.

— Ну, ты как? — Зимобор подошел к Избране, обнял ее и заглянул в лицо. — Держись, сестричка, ничего не поделаешь. Надо вам скорее к матери ехать.

Избрана как-то странно посмотрела на него, и Зимобор удивился, встретив напряженный взгляд сухих глаз.

— Весь лов испортил! — пробурчал себе под нос Буйар и потер лицо руками. До него, кажется, еще не дошло.

— Ты в своем уме? — прикрикнула на него Избрана. — Язык придержи!

— Да я про Беривоя! — скорее досадливо, чем виновато, пояснил Буяр. — Тоже, порадовал новостью!

— Так что же было, до зимы ждать? — ответил ему Зимобор, надеясь, что брат сам догадается, какие глупости несет. — Вы собирайтесь, что ли. Сегодня надо выехать.

— Очень умно! — раздраженно воскликнул Буяр, едва кто-то из кметей успел шевельнуться. — Что, с тремя лосями ехать? На страву поминальную не хватит! Мы ехали-то за мясом... а не за девками! — с досадой закончил он, припомнив Стоянку, которая опять досталась старшему.

— Мясо надо засолить, — заметила Избрана. — Без этого что же ехать?

Зимобор смотрел на нее в изумлении. В общем-то, она права, но он сейчас был не способен думать о каком-то мясе.

Избрану, если честно, лосятина тоже волновала в последнюю очередь. Больше всего ее заботило то, чтобы не дать Зимобору начать всем распоряжаться. Тот, кто сейчас поставит себя главным, потом уже не выпустит узды из рук, а тот, кто склонится, не разогнется уже никогда.

— Так что же, воевода будет нашего отца к дедам провозжать, а мы по лесам гулять? — сказал Зимобор, надеясь вразумить брата и сестру.

— Там наша мать, — в свою очередь напомнила Избрана, и это прозвучало несколько угрожающе. Они с Буяром располагали могучим союзником в лице княгини, а Зимоборова материнская родня затерялась где-то в лесах.

— Вашей матери одной со всем не управиться. Смоленск без хозяина стоит.

— А ты в хозяева метишь? — с вызовом бросил Буяр.

— Вяз червленьый... — начал Зимобор, но постарался взять себя в руки. Только не хватало сейчас начать прекаться. — Вы что, оба белены тут поели?

— А ты чего за всех решаешь? — так же вызывающе продолжил Буяр и шагнул ближе к Зимобору. — Князь слово молвит, а мы, значит, все молчи! Не слишком ли торопишься?

— Я тороплюсь? — Зимобор сперва его не понял. — Ах, вот ты про что! Отец еще не погребен, а ты уже беспокоишься, как бы с лавки не спихнули? Ну, братец! Знал я, что ты не большого ума, но что настолько!

— Это я не большого ума? Да ты у себя в болоте распоряжайся...

— Замолчи! — резко крикнула на младшего брата Избрана. Как раз вовремя — Зимобор уже подумал было, не дать ли ему в челюсть, чтобы немного полежал спокойно и вспомнил, что старших надо уважать.

Буяр умолк — Избраны он немного побаивался. А она стояла, выпрямившись и сжав руки, только ноздри красивого тонкого носа слегка подрагивали. Буяр и правда умом не блещет — вовсе незачем ссориться со старшим братом так быстро и открыто.

Зимобор перевел взгляд с сестры на брата. Прежний мир разбился в мелкие черепки, и он не знал, как дальше быть. Им и раньше случалось ссориться, но никогда прежде у него не было ощущения такого непримиримого противостояния. Словно рухнуло нечто, скреплявшее семью, умер их общий отец — и все трое стали чужими друг другу.

Не найдя что сказать, Зимобор махнул рукой и вышел. Он с дружиной должен ехать, а эти двое, если не хотят, могут оставаться. Но он знал, что они не останутся и не позволят ему одному вернуться в город, где больше нет князя.

— Надо же... — вздохнул Русак, прислушиваясь к торопливым шагам Зимобора в сенях. — Только-только народ раздышал... Думали, теперь бы жить да радоваться... А вот поди ж ты...

— Все голодуха эта проклятая! — вздохнула старая нянька Избраны, сопровождавшая княжну. — Все она...

Два последних года выдались очень тяжелыми: хлеба едва хватало до Коляды, дальше спасали только дичь и рыба. Сколько-то зерна удавалось купить на юге, но трудно приходилось всем. Весной стало легче — помогали прокормиться дикие травы. Даже княжеские дети узнали вкус печеных корневищ камыша и рогоза, похлебок из сныти, подорожника, борщевика, спорыша и других зелий, хлеба из болотного белокрыльника. Из ила лесных озер вилами вытаскивали его толстые корневища, промывали, сушили на солнце или на печках, мололи, несколько раз заливали муку горячей водой, чтобы удалить горечь. Мучнистые корни белокрыльника, желтой кубышки, белой кувшинки заменили рожь и пшеницу. В горшках варились стебли, листья, корни — клевер и щавель, лук и козлобородник, крапива и лебеда, лопух и папоротник, скрипунтрава и дедовник, хвощ, ряска, пастушья сумка и звездчатка-мокрица, молодые побеги ракиты и сосны — оказалось, что есть можно все, если знать как. Как говорится, не то беда, когда во ржи лебеда, а то две беды, когда ни ржи, ни лебеды.

И вот когда зима наконец осталась позади и все живое воспрянуло, потянувшись навстречу жизни, эту новую жизнь роду смолянских князей придется начать с погребения...

Весь день занимались разделкой туш и засолкой мяса — никакая причина не могла бы заставить людей сейчас бросить еду, — и выехали под вечер. Плыли вниз по Днепру, свежий ветер позволил поставить паруса и помогал течению, так что ладьи неслись, как белые лебеди по небу. Только никто этой быстроте не радовался. С одной стороны, всем хотелось оказаться поскорее в городе, а с другой — страшно было увидеть его осиротевшим, и к завер-

шению пути никто особо не стремился. Грести пока не требовалось, усталые кмети спали сидя, привалившись один к другому.

Зимобор тоже устал, но заснуть не мог, хоть Чудила и предлагал ему местечко у кормы, где даже можно было прилечь. Он только смотрел, как проплывают мимо черные берега, неразличимые леса, как блестит вода под лунной, словно дорога, вымощенная чистым серебром.

В свершившееся несчастье не верилось. Зимобор ловил себя на ощущении, что не хочет окончания этого путешествия, не хочет видеть дом, в котором больше нет отца. Он привык разъезжать по городкам и весям, когда с ближней дружиной, когда с Буяром или кем-то из нарочитых мужей, и всегда с удовольствием возвращался домой, зная, что отец с нетерпением ждет их, что у него готова и еда, и баня. Поневоле домоседствуя, князь Велебор держал в руках все обширное хозяйство и знал его лучше женщин. Его добродушие и заботливость придавали дому уют, который делает родовой очаг священным, объединяя и ныне живущие поколения, и ушедшие, и еще не родившиеся, как общий для всех остров в потоке времен. А теперь сам князь Велебор из живых перешел в «родители», как называют предков, с которыми виделись на земле.

Без него это будет совсем другой дом, не тот, где князь любил вечерами запросто посидеть на завалинке, ожидая возвращения детей и вырезая очередной посох. Посохи собственной работы, искусно изготовленные из можжевелового комля, с бородатой головой Велеса-батюшки, он раздавал всем смолянским старикам, но и дома по углам вечно стояло несколько незаконченных. Посохи остались, а хозяина нет, и никто их уже не доделает... Князь Велебор не сидит под окошком — он лежит в бане, неподвижный и безгласный, и никого уже не ждет домой, и даже их, любимых детей, не увидит, когда они придут попрощаться...

В глазах защипало, горло сдавила судорога. Осознание потери входило в сердце, как острый нож, от душевной боли перехватывало дыхание, и не верилось, что от этой боли нет лекарства, как нет больше отца. Та родимая изба, где князь Велебор сидит под окошком, теперь вознеслась в Правь и там будет стоять вечно, не ветшая, и солнце над ней никогда не зайдет...

Утром пристали передохнуть на опушке дубравы, поднимавшейся по склону пологой горы. Для княжны Избраны раскинули в тени орешника кошму; она сидела с невозмутимым и отсутствующим видом, а мысли ее были далеко.

Вот уже больше ста лет племенем днепровских кривичей-смолян правили князья из рода Твердичей, потомки князя Тверда, который, согласно преданию, привел смолян на берега Днепра. Теперь выбирать предстояло из двоих — наследником мог стать или Зимобор, или Буяр. И выбор предстоял нелегкий: Зимобор был старше, но род Буяра по матери был гораздо знатнее. Старшинство и знатность соединяла в себе Избрана — но она женщина!

А ведь родись Избрана мужчиной, лучшего князя нельзя было бы и выдумать. Девушка была умна, честолюбива, решительна, отважна и тверда духом. В шестнадцать лет княжну выдали замуж за одного из вятичских князей — князь Велебор пытался проложить с помощью этого союза пути на Юлгу¹, к богатейшим рынкам восточных стран. Но всего через год муж Избраны погиб в борьбе с соплеменниками, а юная вдова предпочла вернуться к собственным родичам. Как она уезжала с берегов Оки, охваченных войной, — то была отдельная песня...

¹ Юлга, или Юл-река, то есть «река пути» — древнебулгарское название Волги. Обычно в обстановке Древней Руси Волгу называют ее хазарским именем Итиль, но, во-первых, булгары жили ближе к кривичам, чем хазары, а во-вторых, слово «Юлга» подозрительно похоже на нынешнее «Волга».

Через семь лет юная вдова, как позволяет обычай, снова уравнилась в правах с девицами: с облегчением сбросив ненавистный синий платок, она, как и прежде, блистала на девичьих гуляньях своей роскошной косой. В руку толщиной и почти до колен длиной, «как у вилы», светлая, почти как серебро, она лишь чуть-чуть отливала мягким золотистым блеском. Избрана поражала всех гостей, и даже за морем, благодаря болтливости торговых гостей, шла слава о ее красоте, уме, истинно княжеском достоинстве. К ней не однажды сватались, двое князей из низовий Днепра нарочно для этого приезжали в Смолыанск, но выходить замуж снова Избрана не хотела. Никто не знал, чего она дожидается и почему пренебрегает возможностью снова стать княгиней, занять место, для которого рождена и воспитана.

И только теперь, замечая в глазах сестры некое тревожное ожидание, подавляемое волнение, Зимобор понял, чего же она дожидалась. И поразился собственной слепоте и глупости.

— Мира теперь не ждите! — уверенно пророчил Секач, загребая ложкой из котла куски вареной рыбы. — Княгиня-то верно говорит: многие ее детей на княжении увидеть хотят! Княгиня-то Дубравка знатного корня, не какая-нибудь девка! Вот сами увидите, что вече закричит! Предложи им сейчас кого другого — смуты не миновать!

Воспитатель младшего княжича заслужил свое прозвище: мощный, с выпирающими на груди и плечах мускулами, с маленькими глазками под низким лбом, он носил ожерелье из кабаньих клыков, зимой и летом не расставался с накидкой из кабаньей шкуры, и говорили, что он знает древние таинства, позволяющие удачливому охотнику забрать себе всю силу убитого зверя. Секач был незаменим в таких делах, где нужны сила, ярость и напор, правда, болтали, что и умом он недалеко ушел от лесного кабана.

Зимобор понимал, что если дело дойдет до прямого столкновения, Секач будет опасен, как разъяренный вепрь.

— Вече еще не созывали, а ты уже кричишь! — с неудовольствием отвечал воеводе Достоян, один из десятников Зимоборовой ближней дружины¹. — Сам ты и есть первый смутьян! Будто мы не знаем, что ты хочешь теперь Буяра на княжение посадить! Кабы была на то воля богов, то княгиня первой бы сына родила. А теперь Зимобор — старший, ему все и отойдет. И ты эти разговоры не заводи, не смущай дружину.

— А ты мне не указывай! — грубо отозвался Секач. — Я здесь тоже не холоп, свой голос имею. Кого хочу, того и закричу. А там увидим, что народ скажет!

— Сперва послушай, что дружина скажет! Законы разбирать — это тебе не волков за задние ноги держать да об деревья головой бить! Не твоего ума дело!

Зимобор не оборачивался к спорящим и делал вид, будто не слышит, хотя сидел совсем недалеко. Он понимал, что здесь требуется особая осторожность и что каждый шаг, даже каждое слово необходимо выбирать и взвешивать. Секач, понятное дело, встанет на сторону Буяра — такой князь даст ему возможность почти безраздельно править племенем смолян. Но потомки князя Тверда никак не имеют права позволить, чтобы их оттеснили от смолянского престола, — как потом дедам на Том Свете в глаза смотреть, от самого Тверда начиная?

— Жди теперь беды: как узнает Столпомер полотеский, что у нас старый князь умер, а нового нету, — вот и ждите гостей незваных! — говорили в дружине.

— А что, мир-то у него был с князем Велебором, а теперь его нету, а с новым князем у Столпомера никаких

¹ Под ближней дружиной автор понимает профессиональный воинский отряд, постоянно находившийся при князе.

докончаний нету! Так всегда бывает — как старые князья перемрут, так новые заново воевать начинают!

— Да разве мы воевать собираемся? — пытался осадить говорунов Судимер, другой Зимоборов десятник. — Не у них в Полотеске ведь князь меняется, а у нас! А мы разве воевать с полочанами хотим, а, Зимобор?

— А это еще посмотреть, кто князем будет! — крикнул Буйар, прежде чем Зимобор успел покачать головой. Младшего княжича оскорбило, что десятник обратился прямо к Зимобору, как будто он уже был провозглашен новым князем смолян.

— Мы не хотим — они захотят, — с неудовольствием ответил Зимобор. Ему было неприятно сейчас думать о таких вещах, но что закрывать глаза на правду? — Как в последнем полотеском походе: когда у них старый князь умер — наши ратью пошли, так у нас теперь: князь умер — они ратью пойдут.

— А вот бы нам их не дожидаться, самим первыми напасть, отхватить у них все волоки и Радогощ! Старого князя нету, а у нового с ними договора нету! — заметил Ранослав, сын старого воеводского рода, и подмигнул Зимобору. — Старый-то князь знатно тогда полочан приложил мордами в лужу, мне отец рассказывал! И вуй мой, Будислав Горярич, чуть в самый Полотеск тогда со своей дружиной не ворвался, князь Столпомер едва-едва из-за моря успел войско привести! А не успел бы — теперь бы под нашей рукой все кривичи были!

— И хорошо, что ты, Зимобор, на их княжне тогда не женился! — подхватил Бровка.

— И были бы все кривичские земли вместе, как Кривом завещано!

При этих словах лица оживились. Объединение трех кривичских племен под единой рукой было мечтой, наверное, всех до единого их князей. Всякий, кто чувствовал себя

в силе, пытался это сделать, и каждый считал, что выполняет священный завет предков. Основательницами каждого из трех ветвей племени кривичей — плесковских, живших у Чудского озера, днепровских и полоцких — называли трех Кривовых дочерей: Избрану, Войдану и Светлину. Дело объединения древних Кривовых земель оборачивалось долгими войнами, кровопролитиями, слезами и разорением; измученные и ослабленные войной князья собирались на совет, перед священными дубами заключали мир, отдавали друг другу дочерей в жены, клялись, что «каждый да владеет землей своей отныне и вечно», — и через несколько десятилетий, когда подрастало новое поколение князей и воинов, все начиналось заново.

Тряхнув головой, Зимобор огляделся и вдруг изумился тому, что в мире ничего не изменилось. Так же бурлила свежая, еще не до конца распустившаяся зелень весны, по склонам пологих холмов в изобилии пестрели цветы. Улыбалось яркое небо, словно обещая вот-вот пролить на все живое потоки немислимого счастья, мелкая прозрачная волна катилась по золотистому песку, ветер задувал волосы в лицо, — а Зимобору все эти простые вещи казались неестественными. Отца больше нет, а он, Избрана, Буяр, все прочие по-прежнему живы, строят замыслы на будущее, спорят. Они как будто забыли, какая беда погнала их домой раньше срока, хотя только об этой беде, по сути, и говорят.

Подойдя, Зимобор присел на край кошмы возле Избраны. Она бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала. Зимобор сорвал травинку, пожевал и негромко заметил:

— Сестра, уняла бы ты вашего кабана. И отцу обидно, и нам мало чести. Вся дружина перессорится — чего хорошего?

— Как я буду его унимать — он ведь, кроме отца, никогда никого не слушал.

— То-то и плохо. Сама подумай, ты же умница. — Он придвинулся к сестре и зашептал: — Если Секача слишком близко к престолу подпустить, он, пожалуй, Буяра-то спихнет и сам залезет. Хочешь, чтобы Красовит в князья сел?

Избрана фыркнула и бросила на Зимобора насмешливый взгляд.

— Ой, не знала я, что ты так боязлив, братец мой милый! Наверное, и по ночам под одеяло с головой прячешься? Куда Секачу с его кабаньим рылом на княжий стол? Насмешил бы ты меня, кабы смеяться было можно. Сам же слышал — он князем Буяра хочет кликнуть!

— Буяра он хочет кликнуть, потому что не хочет ждать, пока кликнут меня! А чего он потом захочет, ты знаешь?

— Что потом будет, потом и увидим! А сейчас он правду говорит! И вече то же самое скажет. Кто твоя мать была? Все знают, что твой дед был простой оратай, а уже когда тебя постригали¹, ваше гнездо от дани освободили. Ты не на меня обижайся, ты на отца обижайся теперь, что он тебе матери познатнее не дал! — быстро добавила Избрана, видя, что Зимобор изменился в лице.

— Князем буду я, а не мой дед! — резко ответил он и отбросил травинку. — Я — старший сын, и отец меня признал своим наследником. Хотите спорить — не со мной будете спорить, а с ним! Готова, красавица? И о чем спорить? Что Буяр — дурак упрямый, каждая собака знает. А ты и не знаешь? Хочешь над собой такого князя иметь?

Избрана сжала губы, слушая, но теперь опять улыбнулась, немного загадочно, будто знала что-то такое, чего он не знал.

— Зачем же сразу Буяра? — многозначительно произнесла она, когда Зимобор умолк.

¹ Постриги — первая возрастная инициация ребенка, проводилась в три года.

— А кого же еще? Двое нас.

— Двое? — Избрана выразительно подняла свои тонкие брови.

— Да ну! — изумился Зимобор, сообразив, на что она намекает. — Ты? Да ну, брось! Тебе головку солнцем напекло! Вот как без платка-то ходить!

— А чем я хуже вас? — Избрана взглянула на брата с открытым вызовом. — Я старше тебя и знатнее его. Ну что?

— Да не было же такого никогда! Со времен Тверда не правили кривичами женщины. И до Тверда тоже не правили. Мы постоянно воюем. Голядь, вятичи, радимичи, да мало ли каких еще леших дурным ветром принесет? Вон, хазары одни чего стоят! Да с какой стати брать в князья женщину, когда есть двое мужчин? Да нас везде засмеют!

— Все кривичские племена произошли от женщин, — напомнила Избрана. — Не правили женщины, братец, так будут править. С давних времен так было: князь — на мирное время, а на военное — воевода.

— Да сам Тверд за что в князья был выбран? Забыла?

— Теперь не те времена, чтобы из железных застежек себе булаву ковать¹ и со Змеем один на один биться! Ты воевать умеешь — вот и будешь при мне воеводой. Хочешь? А когда нет войны, я не хуже тебя справлюсь. Даже и лучше, может быть. Не сила князю нынче важна, а удача. А вы с братцем меньшим... — она приумолкла и бросила насмешливый взгляд на Буяра, — неудачливые оба. Я вашу судьбу в воде видела, знаю.

— А ты будто удачливая? — Зимобор в изумлении хлопнул себя по бедрам. — Не успела замуж выйти, как сразу и овдовела, детей не родила — где же твоя удача?

¹ В сказках есть упоминания о том, что для битвы со Змеем герой кует себе булаву из булавок, которые собирают для этого со всей земли.

— Может, в том и удача, что я из Оковского леса домой воротилась. Живая причем. И доля моя здесь, а не там. Не зря мне Кривовой дочери имя дано — сама праматерь племени нашего во мне вновь в белый свет явилась, и мне в ее дому хозяйничать.

Ошарашенный Зимобор не нашелся с ответом. Он знал, что сестра решительна и честолюбива, но то, что она не шутя метит на место прародительницы племени, не приходило ему в голову. А глядя в глаза сестры, он вдруг подумал: а ведь и правда, она и умнее, и удачливее их всех! Был бы он умный, так давным-давно понял бы, почему она не выходит замуж, зачем сидит в Смоленске, чего дожидается. Был бы умный, давным-давно оценил бы ее как противника и подумал, как горю помочь. А ему, как ребенку, отец казался вечным и даже мысли не являлось: а что будет после его смерти? Знал ли князь Велебор о честолюбивых мечтах своей дочери? Или даже... поддерживал их втайне, коли дал ей это имя, позволяющее так много требовать, и не спешил выдать замуж вторично? Да нет, не может быть... А гадать уже поздно.

В трех шагах позади Избраны прямо на земле сидело еще одно доказательство ее предусмотрительности — варяг Хедин, замкнутый мужчина уже в годах, с неподвижным обветренным лицом. Семь лет назад Избрана привезла его с собой из Оковского леса. Ходили слухи, будто свои же варяжские купцы на Оке хотели повесить его за какие-то провинности, но Избрана выкупила его, и с тех пор он охранял ее, как пес, — днем ходил за ней, не отдаляясь более чем на три шага, а ночью спал у дверей. За несколько лет Хедин подобрал несколько крепких мужиков, живших среди челяди Избраны, и обучил их владеть оружием; было их немного, зато это были люди решительные и преданные княжне.

У Зимобора тоже имелась дружина, но он не был готов к мысли, что воевать придется с кровными родичами. Он

быстро поднялся с кошмы, шагнул в сторону и исчез в орешнике. Ему хотелось побыть одному.

Избрана прислушивалась, но не услышала его шагов — ни сучок не хрустнул под ногой, ни ветка не хлестнула по плечу. Он будто растворился, и это неприятно поразило ее — не думая об этом, брат все же показал превосходство своего, мужского, воспитания над ее, женским. Но она тут же вспомнила собственный довод: в нынешние времена князю не так уж и надобно лично водить дружину в каждую битву. Змеев двенадцатиглавых что-то давно никто не видел, и враги у кривичей совсем другие — хазарский малик Обадия, например, с деньгами иудейских купцов захвативший власть в Итиле и заключивший под стражу кагана. Что он будет делать дальше? Куда пойдет за данью, чтобы содержать тысячи наемной конницы? Воевать с ним лично смолянскому князю необязательно — ведь и сам Обадия не покинет дворца, а в бой пойдут наемные воины-степняки. Чтобы уцелеть, князю гораздо полезнее думать головой, чем весь день прыгать по двору с мечом и топором.

А Зимобор уходил все дальше, вглубь леса, пока не споткнулся о корягу, прикрытую зелеными хвостами пышных папоротников. На эту корягу он и сел, оперся локтями о колени и задумался. Вспомнилось, как в детстве, еще находясь под присмотром нянюшек, они с Избраной, бывало, делили какую-нибудь игрушку, тянули ее каждый себе и кричали: «Мое! Нет, мое!» Доходило даже до драки. Избрана и в детстве была сильной, решительной и упрямой. Плакала она, только если никак не могла добиться своего. И сейчас еще у Зимобора на подбородке белел тонкий, но заметный шрам, вынесенный из этих детских стычек с сестрой. Как именно это случилось, ни он, ни она не помнили, да Зимобор и не распространялся об этом — пусть принимают за след боевой раны. Но ведь сейчас они делят не игрушку — власть, а это судьба каждого из них и судьба

всего племени в целом. Не верилось, что все так всерьез. Но вместо злости и досады на Избрану, вдруг из сестры ставшую злейшим врагом, Зимобор ощущал только злость и досаду на судьбу, которой почему-то захотелось столкнуть их лбами. Почему смерть общего отца непоправимо разделяет их, вместо того чтобы крепче связать продолжателей рода? Весь мир, в котором это происходило, казался неправильным, словно длинный дурной сон. Как будто он зашел, сам не заметив, в Навий мир, где все перевернуто и нелепо, и теперь мучительно ищет дверь обратно в Явь. Где его прежний мир, как в него вернуться?

Когда княжеские дети высаживались из ладей, смоляне встречали их на пристани, но стояли молча, только кое-где причитали женщины. Народ собрался со всей ближней округи, где было разбросано немало весей и все уже знали горестную новость. Осиротевшее племя с надеждой смотрело на тех, кто отныне будет его защитой... но кто именно? Люди неуверенно переводили взгляд с одного из детей Велебора на другого, словно искали того, за кем им теперь следовать и на кого надеяться. Основная тяжесть внимания и поклонения еще не определилась, она была как вода, катающаяся по ровному месту и не знающая, в какой угол течь. Перед смолянами были двое мужчин-воинов и одна женщина, носящая имя прародительницы племени. На Избрану тоже смотрели с ожиданием, и Зимобор отметил про себя: не так-то беспочвенны ее притязания, как кажется.

Еще только подходя к дому, они услышали причитающий женский голос. Тело находилось в бане: обмытый и обряженный в лучшие одежды, покойный лежал на меховых одеялах, его мертвые руки были украшены серебряными браслетами и перстнями — варяжские торговые гости платили такими вещами за проезд по волокам. Но его тело было уже не более чем одеждой, которую

душа сбросила и теперь смотрит на нее извне, как любой, сняв платье, стал бы на него смотреть со стороны...

На открытом окошке висело вышитое полотенце, одним концом наружу — именно оно служит прибежищем душе, пока она не нашла дорогу на Тот Свет. На лавке рядом был положен хлеб и стояли две чаши: в одной была сыта, то есть мед, разведенный водой, а в другой просто чистая вода — душе умыться. Здесь же сидели несколько женщин во главе с княгиней Дубравкой. Нельзя сказать, чтобы при жизни княгиня с мужем очень ладили, но княгиня хорошо понимала, в чем ее долг. Ее лицо от плача выглядело смятым, глаза опухли, и голос, когда она шепотом поздоровалась с детьми, оказался сорванным от причитаний.

Войдя, Избрана вскрикнула, бросилась к лавке, упала на колени и запричитала. Зимобор постоял немного и вышел.

Он вернулся поздним вечером, когда княгиня с дочерью ушли. Наступала последняя ночь, которую покойный проведет в родном доме. Горела лучина, почти ничего не освещая. На трех лавках сидели три старухи, по обычаю обязанные «сторожить душу», и пели заунывными тонкими голосами:

Прилети ко мне сизым голубем,
Сизым голубем, ясным соколом,
Ясным соколом, белым лебедем...

Увидев Зимобора, они не прервали пения, и он тихо сел на край лавки возле двери. Подходить ближе не хотелось, и он просто сидел, пытаясь уловить присутствие того, кого в этом теле больше не было.

Отец оставался в памяти как живой, и новая встреча казалась такой близкой, что мысли о ней почти излечивали тоску. Вспоминалась мать, которая теперь соединится с отцом среди цветов Сварожьего сада, где им не будет отравлять жизнь упорная ревность княгини. Зимобор даже чуть

Літературно-художнє видання
Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Лісова наречена
(російською мовою)
Роман

Головний редактор *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 31.07.2019. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21.
Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание
Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Лесная невеста
Роман

Главный редактор *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 31.07.2019. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21.
Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55

e-mail: kyviv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Давня Русь, початок IX століття. Безвісним воїном покинув Смоленськ Зимобор, старший син померлого князя Велебора, щоб на чужій землі шукати собі долі. Діва Майбутнього, молодша із трьох богинь долі, зробила його непереможним... в обмін на його кохання та вірність. Подарований нею вінок буде берегти його в глухих лісах у сутичках з поганню і на ратній службі в дружині полотеського князя. Але щойно Зимобор вибере собі іншу наречену, милість відштовхнутої богині зміниться страшним гнівом...

Дворецкая Е.

Д24 Лесная невеста : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 400 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5404-6

Древняя Русь, начало IX века. Безвестным воином покинул Смоленск Зимобор, старший сын умершего князя Велебора, чтобы на чужой земле искать себе доли. Дева Будущего, младшая из трех богинь судьбы, сделала его непобедимым... в обмен на его любовь и верность. Подаренный ею венок будет хранить его в глухих лесах в схватках с нечистью и на ратной службе в дружинке полотеского князя. Но стоит Зимобору выбрать себе другую невесту, и милость отверженной богини сменится страшным гневом...

УДК 821.161.1